

- 1.
- 2.
- 3.
4. Лопысека Л., Кречовода Т.
5. Аистенок и кукало
6. Алма-Ата — Республиканский театр кукол
7. реж. — Потороки П. И.

ПУСТЬ БУДЕТ ОН СЧАСТЛИВ

30 июня завершается 48-й театральный
сезон Республиканского театра кукол

После спектакля «Аистенок и Пугало» в шутку подумалось: трудно, наверное, сейчас найти верную ему оценку — ведь для этого надо снова стать маленьким и доверчивым. Тем более, что вопросы, которые прочтываются в оригинальной постановке главного режиссера театра, заслуженного артиста Казахской ССР П. И. Потороки, отнюдь не располагают к безмятежной и простодушной «детской» радости. Они — о проблемах действительно трудных и глубоко жизненных при всей их мимолетности.

Как, пережив этот спектакль, разделить по полочкам счастье нашего героя — умом, не сердцем, все же не до конца понятное. В чем оно, счастье Пугала? Поразительный по глубине чувства образ жизни на жертвенной — подвешенной с какой-то молчаливой тайной. Словно перешко сдули с ладони, а оно тихо и плавно кружит — не падает. А Пугало, предвечно глядящий след уплывающему Аистенку (артистка Т. А. Луценченко), понимает, что он не увидит его больше никогда — но ведь крыло зажило, птица снова летает — а это счастье.

Наш Пугало (заслуженный артист Казахской ССР Б. Ф. Слонов) из тех, кто, быть может, по обычным жизненным канонам считается победителем, а время поднимает его над всеми канонами, делает сильнее, выше, прекраснее.

Почему эта мысль особенно отчетливо выражена в спектакле? Кукулы — «ходульные», неловкие, иногда с какими-то судорожно скатками, неважественными движениями — воспринимаются порой даже физически реальными обладателями качества самих что ни на есть естественных, человеческих. Как им странно, что контрастный — до абсурда — художественный прием дает очень верное и глубокое представление об идее спектакля.

Эпизод, где Пугало становится невольным свидетелем решения аистов

(они по закону стая хотят избавиться от своего собрата — теперь обузы в долгом перелете), силен не эффектным эзотерическим сюжетным ходом: внезапная жестокость птиц, которые по известному поверью приносят в дом только счастье. Он поначалу ничего не предпринимает. Потрясенный, молча стоит за изгородью, с каждой секундой все ярче создавая трагизм ситуации. А потом бросится туда быстро, как сможет, на своей одной ноге и сбивчиво попросит отдать Айкио — и пусть они не сомневаются, он его «никогда не бросит». Здесь — особенная, свойственная только натуре тонким, обостренностью восприятия и дар видеть намного дальше житейской ситуации: мятая черная шляпа, равного платая — «с чужого плеча» — и вообще, весьма нереспектабельного облика.

Сочетание «кукольных страстей» и духе человечности, который до странности им органичен, помогает безошибочно разграничить подлинное и фальшивое — узнать Пугало, сильного своей безоруживающей добротой.

Самобытность формы этого спектакля не была самоцелью для постановщиков. Она имеет определенный художественный смысл и конкретное философское обоснование: бескорыстия, которое не умещается в общепринятые житейские

рамки, всегда вызывало странную реакцию.

Там чудеса — там павиан, размахивая хвостом, кричит хрипловатым, озорно-современным голосом, а по субтропикам покойно гуляют славные лопухие звери. «Ах, неутомимый!» — говорит оми Слононуку (артистка Е. И. Прохви).

Но настоящие чудеса начинаются, когда эти славные звери вдруг напрочь теряют свою привлекательность. Становятся злыми, раздражительными и по очереди бьют Слононку — так не нравятся им, когда их тревожат, тарабят, выводят из состояния привычной солидности. Им ничего не надо — не нарушили бы только их надежного обывательского покоя.

Как бы не так! Хорошо, что наш герой не из трусливых — зная упрочивается от разных лап и копыт, да продолжает свои «почему».

Жизнь сказки имеет одно благодарное свойство — как в фокусе, собирать в себе крупции самого светлого и мудрого, изнутри, и как-то вроде совсем бесхитростно, высвечивать вопросы очень нужные. И сколь экономен и точен ее язык!

Спектакль «Слононуку» (реж. П. И. Потороки) обнаружил любопытную вещь: Константин Райкин в своих известных миниатюрах изображает зверей, а здесь

все кощунственно наоборот — звери изображают людей. И тем самым дают понять зрителю, что не они «венец природы»... Это ли не дерзость? Умная, хорошая дерзость — «открытым текстом» сказать людям об их недостатках. Сказать честно и прямо — но при всем этом очень тактично, соблюдая этику сарказма.

Вот осторожно вышагивает Жираф — важный, высокий, недостижимый. Иногда снисходительно показывает зубы — что, мол, я сделаю, если у меня отроду шея такая длинная? Или Бегемотиха — живое оплицетворение толстой и глупой мешанки, которая до смерти боится всего нового, незатертого еще до банальных дырок.

Однако эти друзья имеют основательные рога, копыта и зубы — и с ними нельзя не считаться.

Сказка делает в финале то, что вот так, без натуры, может сделать только сказка: побеждает наш неунывающий Слононок, его тяга к познанию. А временные неприятности в виде чьих-то копыт — переходящи. И потому, что значит они по сравнению со столь бесценным приобретением — самым что ни на есть «универсальным», длинным, любопытным носом.

С самого начала «Слононуку» потихоньку, исподволь настраивает на оптимистичный финал: по-детски упрямо полемизирова с малейшими проявлениями ограниченности, — утверждает мысль о том, что истинное добро все-таки умеет защищаться.

Нелегко от восторга переходить к разбору всех «нез следующей работы. Да и скучно, честно говоря, ломиться в открытые двери. «Музыка!» — все равно в конце концов делает интуиция художника.

Конечно, не все здесь разложено: ощущение сообщенная этой работе энергия режиссера, своеобразный, «привыкший» ритм — но насколько органично это в ткани спектакля!

В спектакле «Петух-удалец» (режиссер К. К. Ишмуратова) задействован «живой план», то есть просто актеры, которые по версии постановщиков призваны «примирять людей и кукол, вносить через эту условность дух гармонии — подчеркивая высоту замысла и незначительность каких-то внешних деталей.

Но в первом спектакле эти детали словно оживают — декорации «звучат», сверкают всеми цветами радуги, «подпрыгивают» артистам; план — не «вист» как на вешалках; размеры сцены тоже устраивают — все это организует идея. А здесь даже красивые молодые люди, представляющие «живой план», кажутся почему-то просто нарядными манекенами.

«Петух-удалец» поставлен по мотивам румынской сказки. Казахская сцена требует не прямого «челкирования» румынского фольклора — иного качества перевода. Ведь в данном случае мы имеем дело по сути с иным типараментом, иным колоритом речи, и их надо как-то художественно согласовывать — иначе казахский зритель с изрядной примесью весьма «специфического» акцента, искажающего идею пьесы.

Любой живой язык на выносит формального, схематичного с ним обречения.

Спектакль не воспринимается, потому что нет в нем цельного, осмысленного режиссерского почерка, потому что, несмотря на досточный исходный материал, постановщики не стремятся к глубоким обобщениям, и оригинальным, именно авторским приемам.

Впрочем, «музыка!» — все равно в конце концов делает интуиция художника. Она решает, будут ли дети смотреть на уплывающего аиста глазами Пугала, и со всей искренностью, на какую они способны, думать: «Пусть бы только он был всегда счастливым!»

А. УТЕШЕВА.